

А. И. Введенский

**О пределах и признаках
одушевления**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
В24

Введенский А.И.
В24 О пределах и признаках одушевления / А. И. Введенский – М.: Книга по Требованию, 2013. – 119 с.

ISBN 978-5-458-05453-9

В книге «О пределах и признаках одушевления (новый психо-физиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики)» логик и философ Александр Иванович Введенский выводит новый закон, согласно которому «всякая душевная жизнь подчинена закону отсутствия объективных признаков одушевления». Признание существования чужого одушевления требуется нашим нравственным чувством, которое и придает ему его непоколебимость в нашем сознании. Нравственное чувство, навязывающее нам признание обязательности нравственного долга, вместе с тем требует или, иначе, постулирует свободу воли, бессмертие души, существование Бога и, таким образом, дает единственное прочное обоснование для решения проблем метафизики, к которым, наряду с другими, относится и чужое одушевление. Эта работа Введенского вызвала длительную и плодотворную полемику в российском философском сообществе, а часть проблем и до настоящего времени не получила своего решения.

ISBN 978-5-458-05453-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2013

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2013

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

прежде всего изученіе нашего познанія, или, если угодно, тѣхъ идей, которымъ мы склоняемся приписывать значеніе познанія (то-есть, желая изучить ихъ составъ, генезисъ, достовѣрность, значеніе, взаимное вліяніе и т. п., и лишь *послѣ* того и на почвѣ полученныхъ результатовъ пытаться строить систему міровоззрѣнія), зачастую нуждается въ употребленіи такихъ пріемовъ, которые не встрѣчаются въ другихъ наукахъ. Поэтому читателю не должно казаться страннымъ, что авторъ иногда распространяетъ свой скепсисъ на то, въ чемъ никто никогда не сомнѣвается: иногда это неизбѣжно въ смыслѣ *пріема* для анализа состава и генезиса нашихъ мыслей. Мы не можемъ ради эксперимента дѣйствительно устранить изъ нашего ума какую нибудь идею и наблюдать, при какихъ условіяхъ, какъ и изъ чего снова возникнетъ она; а между тѣмъ зачастую это необходимо сдѣлать. И вотъ, взамѣнъ того мы устраняемъ эту идею изъ сферы тѣхъ, которыя мы признали за достовѣрныя, то-есть, сомнѣваемся въ ней, а потомъ посмотримъ, что именно и какъ заставить насъ признавать ее; такимъ образомъ мы какъ будто экспериментируемъ надъ ней. Что же касается до нашего главнаго вывода — отсутствія объективных признаковъ одушевленія, то онъ не представляетъ ничего страннаго, по крайней мѣрѣ, ничего неожиданнаго: онъ уже подготовленъ и почти сполна высказанъ въ развитіи критической философіи. Въ самомъ дѣлѣ, *если* мы исповѣдуемъ матеріализмъ, рассматривающій тѣлесную жизнь, какъ *причину существованія* душевной, или же спиритуализмъ, который, хотя бы онъ и не рѣшался утверждать, что душа организуетъ себѣ тѣло, какъ орудіе своей дѣятельности, все-таки допускаетъ, что дѣятельность души составляетъ причину существованія нѣкоторыхъ фізіологическихъ явленій, то мы *должны* допускать существованіе объективных признаковъ одушевленія ¹⁾. Въ первомъ случаѣ мы должны такъ рассуждать: всюду, гдѣ есть причина и дѣятельность ея ничѣмъ на задерживается, должно быть и ея дѣйствіе; поэтому если мы наблюдаемъ въ какомъ нибудь тѣлѣ развитую до извѣстной степени и ничѣмъ незадерживаемую фізіологическую жизнь, то въ немъ должно находиться и порожаемое ей дѣйствіе, то-есть, душевная жизнь; значитъ, нѣкоторыя тѣлесныя явленія будутъ служить признакомъ присутствія одушевленія. Во второмъ

¹⁾ А всегда при обсужденіи данныхъ опыта втихомолку допускаютъ тотъ или другой взглядъ; поэтому-то и кажется страннымъ отрицаніе объективныхъ признаковъ одушевленія.

же случаѣ ходъ нашихъ разсужденій будетъ слѣдующимъ: нѣтъ дѣйствія безъ причины; поэтому, гдѣ мы наблюдаемъ тѣ тѣлесныя явленія, относительно которыхъ допущено, что ихъ причиной служить душевная жизнь, тамъ должна быть и послѣдняя, такъ что эти явленія составляютъ ея объективные признаки. Но коль скоро мы дѣйствительно рѣшили воздерживаться и отъ той и отъ другой метафизической гипотезы относительно причинной связи душевной жизни съ тѣлесной, коль скоро обѣ эти гипотезы мы находимъ въ *теоретическомъ* отношеніи одинаково неопровержимыми, а потому и одинаково недоказуемыми (вѣдь для доказательства одной нужно опровергнуть другую), то становится вполне возможнымъ (еще не говоримъ логически необходимымъ, а только возможнымъ), что вся тѣлесная жизнь сплошн объясняется *одними* матеріальными причинами, безъ помощи душевныхъ явленій; а тогда ни одно тѣлесное явленіе не можетъ служить объективнымъ признакомъ одушевленія. Теперь ужъ ничто не вынуждаетъ насъ признавать противное. Далѣе, у Альб. Ланге въ его Исторіи Матеріализма ¹⁾ приведенъ примѣръ купца, который; по полученіи телеграммы о банкротствѣ одной фирмы, кидается хлопотать о спасеніи своего состоянія и, наконецъ, высказываетъ свое довольство, что онъ сдѣлалъ все возможное. При этомъ Ланге показываетъ (правда, недостаточно ясно и недостаточно подробно — онъ какъ будто только еще намѣчаетъ свою мысль), что всѣ тѣ явленія, которыя въ этомъ случаѣ можно было наблюдать объективнымъ путемъ (выраженіе испуга на лицѣ купца, его суету, рѣчи и т. д.), *могутъ* быть объяснены посредствомъ однѣхъ лишь матеріальныхъ причинъ безъ *всякой помощи* душевныхъ явленій. А не значитъ ли это, что ни одно изъ душевныхъ состояній, пережитыхъ купцомъ, не имѣетъ объективныхъ признаковъ, то-есть, не сопутствуется такими матеріальными процессами, которые безъ этихъ душевныхъ состояній были бы невозможны и которые поэтому навѣрное указывали бы, что даннымъ лицомъ переживается то или другое душевное явленіе? Такимъ образомъ, отрицая существованіе объективныхъ признаковъ одушевленія, авторъ только и сдѣлалъ, что договорилъ до конца уже давно высказанныя положенія, поставилъ точку надъ і; а все прочее составляетъ логически необходимое слѣдствіе этого отрицанія. Въ ученіи же о метафизическомъ чувствѣ всякій легко замѣтитъ продолженіе Кантовскаго ученія о приматѣ практическаго

¹⁾ См. перев. Страхова, т. II, С.-Пб. 1883, стр. 323 ссл.

разума. Словомъ, въ выводахъ автора нѣтъ ничего неожиданно-парадоксальнаго: они парадоксальны на столько, на сколько обыденному мышленію кажется парадоксальной вся критическая философія. Приступимъ же теперь къ дѣлу.

Вопросъ, имѣеть ли душевная жизнь объективные (извнѣ наблюдаемые) признаки, почти не привлекаетъ къ себѣ нашего вниманія. и едва ли найдется какой другой вопросъ, въ которомъ бы царствовалъ столь сильный догматизмъ, какъ въ этомъ. Мы привыкли относиться къ нему такъ, какъ будто бы уже давно и съ полной достовѣрностью установлено не только то, что объективные признаки одушевленія существуютъ вообще, но даже и то, каковы они. Поэтому мы не колеблемся спорить и рѣшать, какія существа одушевлены, какія нѣтъ; въ какой именно моментъ (до рожденія или послѣ рожденія) начинается душевная жизнь ребенка; заводимъ даже рѣчь, не одушевленъ ли каждый атомъ матеріи, и т. п. То или другое рѣшеніе этихъ вопросовъ, даже одна лишь простая постановка ихъ были бы невозможны, еслибы мы не приписывали себѣ готоваго знанія объективныхъ признаковъ присутствія или отсутствія психической жизни въ наблюдаемыхъ нами тѣлахъ: вѣдь наблюдать *саму* чужую душевную жизнь мы не можемъ, а должны лишь *заключать* объ ней по ея внѣшнимъ, матеріальнымъ, то-есть, объективнымъ обнаруженіямъ; слѣдовательно, при каждой попыткѣ рѣшать подобные вопросы мы уже должны быть увѣрены въ томъ, какія именно матеріальныя явленія служатъ признакомъ, обнаруживающимъ присутствіе душевной жизни, и какія проходятъ безъ ея участія.

Однако разнообразіе отвѣтовъ, которые давались и даются на всѣ перечисленные вопросы, способно пробудить сильное сомнѣніе, имѣеть ли душевная жизнь какіе бы то ни было объективные признаки. Въ самомъ дѣлѣ, давно ли Декартъ считалъ всѣхъ животныхъ, кромѣ челоуѣка, бездушными, превосходно устроенными автоматами? Правда, врядъ ли найдутся теперь послѣдователи этого взгляда, но за то и нѣтъ единогласнаго мнѣнія, какіе организмы (въ томъ числѣ и животныя) одушевлены, а какіе остаются бездушной физиологической машиной ¹⁾. Точно также мы еще не сталкивались, когда именно пробуждается сознаніе у ребенка, такъ что его движенія въ это время

¹⁾ По мнѣнію Фехнера, обладаетъ особымъ сознаніемъ даже каждый органъ, организмъ, каждая планета и т. д. См. его *Atomenlehre* и *Die Tagesansicht gegenüber der Nachtansicht*.

перестаютъ быть исключительно рефлексивными и автоматическими. Наконецъ, упомянемъ о спорѣ психологовъ и физиологовъ относительно объясненія рефлексовъ спиннаго мозга: одни видятъ въ нихъ обнаруженіе спинномозговой души, а другіе объясняютъ ихъ чисто матеріальными приспособленіями въ организаціи спиннаго мозга. Какъ же объяснить все это разнообразіе мнѣній? Коль скоро душевная жизнь имѣетъ объективные признаки, то, казалось бы, нельзя уже спорить, существуетъ ли она въ спинномъ мозгу, обособленномъ отъ головного, или нѣтъ, обладаетъ ли ребенокъ въ данный моментъ утробной жизни сознаниемъ, и т. п.

Впрочемъ, это разнообразіе мнѣній можетъ зависѣть также отъ того, что объективные признаки душевной жизни трудно уловимы, да до сихъ поръ еще не вполне точно опредѣлены. Но, какъ бы то ни было, прежде чѣмъ пытаться опредѣлить ихъ, надо еще сперва дать себѣ точный отчетъ, существуютъ ли они и можно ли ихъ допускать. Къ этому вопросу мы и перейдемъ теперь, предполагая, что мы при его рѣшеніи отказываемся отъ *всякой* трансцендентной метафизики. Эту оговорку необходимо сдѣлать уже и потому, что среди метафизическихъ системъ встрѣчаются и такія, которыя, если прямо не отрицаютъ существованія объективныхъ признаковъ одушевленія, то возбуждаютъ подозрѣніе противъ ихъ допущенія, ибо оправдываютъ ихъ признаніе ссылками на планы, которые преслѣдовались Богомъ при мірозданіи, и т. п., словомъ, ссылками на то, о чемъ мы ничего не можемъ знать. Мы имѣемъ въ виду Лейбницевскую теорію предустановленной гармоніи. Она утверждаетъ, что между душой и тѣломъ нѣтъ дѣйствительнаго взаимодѣйствія, а существуетъ лишь простое приспособленіе или примѣненіе ихъ другъ къ другу; поэтому явленія, возникающія въ душѣ, нисколько не зависятъ отъ тѣла, а только отъ нея одной, равно какъ и явленія, возникающія въ тѣлѣ, зависятъ только отъ него, а отнюдь не отъ души; но, тѣмъ не менѣе, благодаря той приспособленности, которая существуетъ у души съ тѣломъ, кажется, какъ будто бы они взаимодѣйствуютъ другъ съ другомъ. При этомъ, по ученію Лейбница, такая приспособленность души и тѣла (ихъ предустановленная гармонія) зависитъ не отъ нихъ самихъ, то-есть, не отъ ихъ природы, а отъ воли Бога, который по своей благости предпочелъ устроить вселенную такъ, чтобы казалось, будто бы душа и тѣло находятся во взаимодѣйствіи другъ съ другомъ. Но не допускается ли этимъ самымъ, что въ любомъ находящемся предо мной человѣкѣ душа *могла бы*

отсутствовать, такъ что онъ былъ бы простымъ автоматомъ, а не смотря на то, вся его тѣлесная жизнь (а съ ней и тѣ процессы, которые мы считаемъ объективными признаками душевной) продолжалась бы *по прежнему такъ, какъ будто бы онъ былъ одушевленъ?* Другими словами, не содержитъ ли въ себѣ теорія предустановленной гармоніи отрицанія существованія объективныхъ признаковъ одушевленія? Вѣдь по собственнымъ словамъ Лейбница всѣ факты тѣлесной жизни развиваются безъ всякаго вліянія души—такъ, какъ будто бы и не было послѣдней; слѣдовательно, душа *могла бы* и отсутствовать, а въ тѣлѣ *происходили бы тѣ же самыя* явленія, какія имѣютъ мѣсто и при существованіи души, такъ что ни одно изъ нихъ не можетъ считаться признакомъ ея присутствія. Лейбницъ уподоблялъ предустановленную гармонію души и тѣла согласному ходу двухъ часовъ, хорошо вывѣренныхъ и согласованныхъ другъ съ другомъ. Но вѣдь каждыя часы этой пары продолжали бы дѣлать тѣ же показанія, еслибы и не было другихъ часовъ, такъ что ни одно изъ показаній первыхъ не можетъ считаться признакомъ *существованія* показаній другихъ часовъ; подобнымъ же образомъ и тѣлесныя явленія, находясь въ реальной зависимости только отъ тѣлесныхъ, а отнюдь не отъ душевныхъ, тоже не способны служить признакомъ *существованія* послѣднихъ. При такихъ условіяхъ, *если* мы заранѣе почему либо допустимъ существованіе душевной жизни у того или другаго существа, то происходящія въ немъ матеріальныя явленія могутъ служить признаками и показателями ея *перемѣнъ* ¹⁾; но что касается до ея *существованія*, то въ этомъ можно будетъ убѣдиться тогда только путемъ самонаблюденія, а отнюдь не объективнымъ наблюденіемъ. Можно видѣть и нельзя отрицать, существуетъ ли она у меня самого, но нельзя навѣрное знать, существуетъ ли она у другихъ людей. Въ послѣднее приходится только вѣровать и основывать свою вѣру на соображеніяхъ въ родѣ того, что Богъ, желая устроить наилучшій міръ ²⁾, не допустилъ бы существованія бездуш-

¹⁾ Вѣдь уже допущено, что ходъ душевныхъ явленій, не смотря на то, что онъ развивается *только* изъ нѣдръ души *помимо* какого бы то ни было вліянія тѣла, все-таки *согласованъ* съ ходомъ тѣлесныхъ явленій, такъ что тамъ, гдѣ существуетъ душевная жизнь, мы можемъ заключать объ ея перемѣнахъ на основаніи знанія *согласованныхъ* съ ними перемѣнъ тѣлесной. Нужно только подмѣтить и изучить въ самомъ себѣ, какимъ именно душевнымъ перемѣнамъ соотвѣтствуютъ тѣ или другія перемѣны тѣла.

²⁾ А Лейбницъ и допускаетъ это предположеніе.

ныхъ, но живыхъ человѣческихъ организмовъ, другими словами— тотъ *общій строй* вселенной, который Богъ предпочелъ, какъ наилучшій изъ всѣхъ мыслимыхъ, исключаетъ возможность подобнаго обмана.

Какъ видимъ, въ трансцендентной метафизикѣ иногда втихомолку отрицается существованіе объективныхъ признаковъ одушевленія. Но вотъ вопросъ: почему это оказывается возможнымъ? Потому ли, что и въ дѣйствительности нѣтъ никакихъ внѣшнихъ признаковъ одушевленія, или же, напротивъ, они существуютъ, но съ трудомъ поддаются точному описанію, а нѣкоторые виды метафизики ихъ неуловимость смѣшиваютъ съ ихъ отсутствіемъ? Возможно и то и другое; а потому надо разсмотрѣть поднятый вопросъ вполне независимо отъ всякихъ метафизическихъ предположеній, ограничиваясь въ своихъ разсужденіяхъ только тѣмъ, что можетъ быть *проверено* внутреннимъ и внѣшнимъ опытомъ, и ничего не принимая на вѣру безъ такой фактической проверки. Вотъ почему мы нигдѣ не будемъ допускать ни того, что матерія, взятая сама по себѣ, порождаетъ душевныя явленія, ни того, что это совершается подъ влияніемъ совместнаго дѣйствія души и тѣла, и т. д.; мы будемъ прямо обходить подобные вопросы, какъ трансцендентные. По той же причинѣ точно также мы будемъ вести свои разсужденія независимо отъ того, имѣютъ ли явленія природы какой либо смыслъ, или нѣтъ, и т. п.

Мы хотимъ узнать, существуютъ ли объективные признаки одушевленія и каковы они. Простѣйшій, то-есть, самый легкій (хотя не единственный и не лучший) приемъ для рѣшенія этого вопроса таковъ: допустимъ, что кто нибудь отрицаетъ существованіе душевной жизни у кого бы то ни было, кромѣ самого себя, и говорить, будто бы *нельзя* допускать ее въ другихъ людяхъ, такъ какъ де всякое *наблюдаемое* въ нихъ явленіе будетъ тѣлеснымъ и всегда *можетъ быть* объяснено безъ ея помощи, какъ результатъ чисто-матеріальныхъ процессовъ; представивъ же себѣ подобнаго скептика, постараемся его опровергнуть, и будемъ для этого искать въ людяхъ тѣлесныя явленія, которыхъ никоимъ образомъ *нельзя* объяснить безъ помощи душевной жизни, то-есть, такія, которыя безъ нея были бы невозможны; если найдутся подобныя явленія, то ихъ-то, очевидно, и надо считать объективными признаками душевной жизни. Итакъ: наблюдаются ли въ людяхъ такія *тѣлесныя* явленія, которыя были бы *невозможны* безъ участія душевной жизни? Замѣтимъ точно, въ чемъ состоитъ задача обѣихъ сторонъ (скептика и его противниковъ) и къ

чему она обязывает каждую из них. Допуская возможность опровергнуть скептика, мы этимъ самымъ утверждаемъ, что существуютъ у другихъ людей такія тѣлесныя явленія, которыя *обязываютъ* допускать въ нихъ душевную жизнь. Поэтому намъ нельзя ограничиться указаніемъ на то, что предположеніе душевной жизни въ другихъ людяхъ прекрасно мирится со всѣми наблюдаемыми въ нихъ фактами, дѣлаетъ легкимъ ихъ изученіе, предугадываніе и т. п., нисколько не противорѣчить имъ, и что оно всегда можетъ быть допущено: объ этомъ нѣтъ никакаго спора, и скептикъ не отрицаетъ этого, хотя и находитъ предположеніе чужой душевной жизни излишнимъ. Мы вынуждены идти дальше и обязаны выставить на видъ такіе факты, при объясненіи которыхъ *необходимо* или *неизбѣжно* (а не только что возможно) предполагать обнаруженіе въ нихъ душевной жизни; мы должны доказать, что одни матеріальныя явленія, взятые безъ ея участія, *не могли бы* породить этихъ фактовъ и что иное объясненіе для нихъ *невозможно* и будетъ *противорѣчить* нашимъ знаніямъ о законахъ тѣлесной жизни. Скептикъ же, напротивъ, обязанъ показать намъ, что предположеніе чужой душевной жизни хотя и *допустимо*, но въ немъ *нѣтъ необходимости*; что тѣ же самыя факты, которые онъ наблюдаетъ въ людяхъ при помощи своихъ внѣшнихъ чувствъ (въ томъ числѣ и ихъ горячія увѣренія, что они одушевлены, ихъ негодующія фразы, которыя они произносятъ по поводу его сомнѣній въ существованіи у нихъ ума и всей душевной жизни и т. п.), *могутъ* быть объяснены и безъ всякаго участія душевной жизни; что поэтому ея существованіе у нихъ *можно* отрицать *безъ всякаго противорѣчія съ законами чисто-матеріальныхъ явленій*. Словомъ, мы должны доказывать *необходимость* или *неизбѣжность* предположенія душевной жизни въ другихъ людяхъ; а скептикъ долженъ показать *отсутствіе необходимости* дѣлать такое предположеніе. А потому для всѣхъ явленій, которыя мы привыкли разсматривать, какъ обнаруженіе чужой душевной жизни, онъ долженъ подобрать другія объясненія, обходящіяся безъ предположенія ея существованія и на столько же не противорѣчащія даннымъ опыта, какъ и наши. Однимъ лишь могутъ они отличаться отъ общепринятыхъ: они будутъ слишкомъ *непривычны* для насъ, а потому неизбѣжно *трудны* для усвоенія и для ихъ дальнѣйшаго развитія, а сверхъ того по той же причинѣ будутъ казаться нѣсколько странными, *какъ бы неестественными*, ибо все непривычное всегда кажется чѣмъ-то дикимъ, неестественнымъ. Но мы при ихъ оцѣнкѣ должны смотрѣть не на это нич-

тожное обстоятельство, а на то, на сколько они логичны и не противорѣчаютъ ли нашимъ свѣдѣніямъ о тѣлесныхъ явленіяхъ. Таковы задачи и обязанности обѣихъ сторонъ.

Такъ будемъ же для опроверженія скептика искать въ наблюдаемыхъ нами нормальныхъ и вполне развитыхъ людяхъ ¹⁾ такія тѣлесныя явленія, которыя указывали бы на *необходимость* признать въ этихъ людяхъ существованіе душевной жизни. Наилучшимъ свѣдѣтельствомъ одушевленія мы считаемъ рѣчь: въ ней, говоримъ мы, человѣкъ обнаруживаетъ, особенно если онъ того захочетъ, всю свою душу. Такъ допустимъ, что предъ нами находится человѣкъ, объ одушевленіи котораго идетъ споръ и который отнюдь не желаетъ, чтобы его считали бездушнымъ автоматомъ. Для рѣшенія спора мы обращаемся къ нему съ рядомъ различныхъ вопросовъ: напримѣръ, мы спросимъ его сначала, кто онъ такой. Положимъ, онъ намъ отвѣтитъ: „я (напримѣръ) врачъ NN“. Мы спросимъ его, что ему нужно здѣсь, одушевленъ ли онъ и т. д., и на все получаемъ соответствующіе отвѣты: онъ скажетъ, что его звали сюда къ больному; на вопросъ объ одушевленіи сначала удивится, что ему вздумали предложить его, а потомъ объявитъ, что онъ переживаетъ такія же душевныя состоянія, какъ и всѣ другіе люди, и т. д. Что же дѣйствительно ли *необходимо* для объясненія всего этого прибѣгать къ помощи душевныхъ явленій? Мы готовы отвѣчать утвердительно и для подтвержденія своихъ словъ скорѣе всего сошлемся на то, что наши вопросы были *поняты*, ибо на нихъ даны были отвѣты; слѣдовательно, скажемъ мы, въ изслѣдуемомъ лицѣ происходила душевная дѣятельность. Но такъ рассуждать это значитъ запутываться въ кругъ: о томъ-то и идетъ рѣчь, дѣйствительно ли у изслѣдуемаго человѣка существуетъ „пониманіе“ и „размышленіе“; и признаніе этой дѣятельности въ немъ должно быть результатомъ *доказанной* необъяснимости того, что мы видѣли и слышали, одними чисто матеріальными процессами. Значитъ, мы должны разсматривать, какія именно произошли предъ нами *внѣшнія, матеріальныя* явленія (ибо *слышать и видѣть* нельзя никакихъ другихъ), и показать, что безъ душевныхъ явленій они были бы невозможны; лишь послѣ этого можно будетъ толковать о пониманіи нашихъ вопросовъ и т. п.

Какія же матеріальныя явленія наблюдались нами при первомъ

¹⁾ Ибо въ нихъ-то, разумѣется, легче всего найдти то, что намъ нужно.

вопросъ и отвѣтъ ¹⁾? Или, такъ какъ намъ трудно отдѣлаться отъ убѣжденія, что предъ нами произошло психическое (а не чисто матеріальное) явленіе, скажемъ иначе: въ чемъ состоитъ его матеріальная сторона, по скольку мы ее наблюдали прямо (такъ что могли бы указать ее)? На изслѣдуемаго человѣка дѣйствовало *строго определенное* раздраженіе, состоящее изъ звуковыхъ колебаній воздуха; въ результатъ же получились новыя *строго определенные* звуковыя колебанія воздуха, вызванныя движеніями языка, губъ и т. д., вообще, голосоваго органа изслѣдуемаго человѣка. Мы наблюдали (при первомъ вопросѣ) только это, и больше ничего. И еслибы мы захотѣли точнѣе описать наблюденные факты, то должны были бы прибавить только указаніе вида (формы, силы и т. д.) тѣхъ и другихъ колебаній воздуха, при чемъ перечень колебаній, вызванныхъ изслѣдуемымъ человѣкомъ, можно было бы замѣнить точнымъ описаніемъ движеній его голосоваго органа; прибавлять же къ этому описанію „пониманіе, желаніе“ и т. п. незачѣмъ, ибо это не наблюдалось.

Теперь скептикъ долженъ объяснить все это по своему, то-есть, безъ помощи душевныхъ явленій. Какъ же онъ объяснить? Для этого, очевидно, онъ воспользуется указаніями физиологіи чувствъ. „Раздраженіе, скажетъ онъ, подѣйствовало на барабанную перепонку изслѣдуемаго человѣка и, будучи само опредѣленнымъ, вызвало и въ ней опредѣленные же колебанія, которыя въ свою очередь вызвали опять таки опредѣленные же процессы въ другихъ частяхъ слуховаго органа; все это произошло по чисто матеріальнымъ законамъ. Эти процессы, дѣйствуя въ свою очередь на слуховые нервы, вызвали въ нихъ опредѣленное (и при томъ чисто матеріальное) измѣненіе, которое прошло до головного мозга, тамъ оно перешло до двигательныхъ нервовъ, заканчивающихся въ органахъ голоса; дойдя до этихъ нервовъ, оно распространилось по нимъ вплоть до соединяющихся съ ними мускуловъ и вызвало въ нихъ строго опредѣленные сокращенія, результатомъ которыхъ были колебанія воздуха, составляющія отвѣтную фразу (я—такой-то). Все это, прибавить скептикъ, были матеріальные процессы (механическіе, физическіе и химическіе), и для ихъ появленія нужна только цѣлость той физиологической машины, которую мы называемъ человѣкомъ (чтобы она не была ни разрушена смертью, ни попорчена болѣзною), а отнюдь не ея одушевленіе;

¹⁾ Сначала рѣчь будетъ только о первомъ вопросѣ и отвѣтѣ, а потомъ разстроимъ остальные.

когда скоро въ ней *происходятъ* эти процессы, то будетъ ли она одушевлена, или нѣтъ, *и въ томъ и въ другомъ случаѣ*, дѣйствуя на эту машину тѣмъ же раздраженіемъ (звуками своего вопроса), мы при одинаковыхъ условіяхъ получимъ одинаковый результатъ. Такимъ образомъ, заключаетъ скептикъ, есть возможность объяснить разобранный фактъ, не допуская въ наблюдаемомъ человѣкѣ ни малѣйшей степени одушевленія; значитъ, этотъ фактъ (отвѣта на мой вопросъ) никоимъ образомъ не можетъ доказывать существованія чужой душевной жизни, и я пока еще въ правѣ отрицать ее всюду, кромѣ самого себя“. Что возразить на эти разсужденія? Все то, что скептикъ описываетъ, какъ происшедшее въ изслѣдуемомъ нами человѣкѣ между нашимъ вопросомъ и послѣдовавшимъ на него отвѣтомъ (колебанія барабанной перепонки, распространеніе впечатлѣнія по слуховымъ нервамъ и т. д.), *дѣйствительно было*; этого никто не станетъ оспаривать. Нельзя оспаривать и того, что *если* только происходили эти процессы, то они *должны были* породить тотъ результатъ, который мы наблюдали (звуки отвѣта). Въ этомъ пунктѣ нечего и думать о возраженіяхъ; посмотримъ, гдѣ же они возможны.

Если нельзя не согласиться съ явно высказанными посылками скептика, а въ то же время въ ихъ употребленіи не замѣтно никакой формальной ошибки, то для опроверженія его заключеній надо подвергнуть разбору то, что имъ допускается втихомолку. А онъ дѣйствительно въ своихъ разсужденіяхъ подразумеваетъ кое-что, не высказываясь объ этомъ. Именно, онъ, очевидно, допускаетъ, что всѣ описанные имъ фізіологическіе процессы (дѣйствія слуховаго органа, нервный токъ, его передача съ чувствующихъ нервовъ на двигательные и т. д.) могутъ происходить и тамъ, гдѣ нѣтъ никакого одушевленія; другими словами, по его мнѣнію, фізіологическая жизнь той машины, которую онъ именуетъ человѣкомъ, вполне возможна даже и въ томъ случаѣ, когда въ ней нѣтъ никакой душевной жизни. Поэтому попробуемъ сдѣлать слѣдующее возраженіе: *если* описанные скептикомъ фізіологическіе процессы дѣйствительно *происходятъ* въ неодушевленномъ человѣкѣ, то они *должны* породить звуки отвѣта; но они, да и вообще вся фізіологическая нервная дѣятельность, *не могутъ* существовать безъ психической; жизнь человѣка всегда бываетъ сразу и той и другой. Однако высказать подобную мысль не трудно; но какъ ее доказать? А пока она не доказана, вполне позволительно истолковывать факты двоякимъ образомъ, такъ что скептикъ останется неопровергнутымъ. Не забудемъ, что метафизическія со-